

УДК 316.4.06+364.4-787+392

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАЙ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФЕНОМЕНА ВОЛОНТЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. ПОХОМОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирован феномен волонтерства с позиции ретроспективного анализа народных традиций и обычая взаимопомощи. Рассмотрена универсальность понятия помощи как структурного элемента волонтерства в народных традициях и обычаях. Исследован социальный феномен помощи и взаимопомощи как экзистенциальное воплощение ценности Другого. Изучена традиция как нормативная платформа в эпоху риска, неопределенности и событийной интенсивности. Выявлено, что для успешной жизнедеятельности локального сообщества (общины) в традиционном обществе люди следовали обычаю взаимопомощи в разных аспектах повседневной жизни. Народные обычаи взаимопомощи выполняли функцию социальной защиты для наиболее уязвимых категорий людей на ранних этапах человеческой истории. Позже ценности заботы о ближнем и помощи нуждающимся интериоризировались в корпус религиозной идеологии, принимая формы милосердия, призрения, милостыни и т. д. С усилением рационализации и формированием светского государства появились государственные учреждения в сфере социальной защиты населения, а феномен социальной помощи и взаимопомощи приобрел форму волонтерства в контексте гражданского общества.

Ключевые слова: волонтерская деятельность; традиции; взаимопомощь; культура; народные обычаи; доверие; рациональность; локальные сообщества.

Образец цитирования:

Похомова АА. Народные традиции и обычай взаимопомощи как культурные детерминанты феномена волонтерства в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:33–41.
EDN: ODUJRR

For citation:

Pokhomova AA. Folk traditions and customs of mutual assistance as cultural determinants of the phenomenon of volunteering in the modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:33–41. Russian.
EDN: ODUJRR

Автор:

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

FOLK TRADITIONS AND CUSTOMS OF MUTUAL ASSISTANCE AS CULTURAL DETERMINANTS OF THE PHENOMENON OF VOLUNTEERING IN THE MODERN SOCIETY

A. A. POKHOMOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, the author analyses the phenomenon of volunteering through the prism of a retrospective analysis of folk traditions and the custom of mutual assistance. The purpose of the work was to consider the universality of the phenomenon of assistance as a structural element of volunteering through folk traditions and customs. The article focuses on the social phenomenon of assistance and mutual assistance as an existential embodiment of the value of the *Other*. Tradition is considered as a value-normative anchor in an era of risk, uncertainty and event intensity. Ethnographic studies and their results indicate that for the successful functioning of the local community in a traditional society, the custom of mutual assistance in various aspects of everyday life was followed. Folk customs of mutual assistance performed the function of social protection for the most vulnerable categories of people at the early stages of human history. Later, the values of caring for one's neighbour and helping those in need were internalised in the corpus of religious ideology, taking the forms of charity, alms, etc. With the strengthening of rationalisation, the formation of a secular state, state institutions in the field of social protection of the population appeared, and the phenomenon of social assistance and mutual assistance took the form of volunteering in the context of civil society.

Keywords: volunteer activity; traditions; mutual assistance; culture; folk customs; trust; rationality; local communities.

Введение

Социолог П. А. Сорокин с особым научным интересом относился к исследованию благотворительности в различных аспектах этого предметного поля, отмечая, что ранее наука незаслуженно обходила проблематику «альтруистической любви» [1, с. 1]. Социолог исследовал альтруистическую, или неэгоистическую, любовь как источник социального прогресса, альтернативный экономическим и политическим факторам социального развития.

В контексте теории социального действия Вебера добровольческая деятельность может рассматриваться как проявление социальной активности с рациональной и иррациональной мотивацией. Иррациональное действие, связанное с влиянием сильных эмоциональных состояний и привычек на поведение человека, не поддается прогнозированию, оно непредсказуемо. Рациональное действие, обусловленное желанием максимизировать объективную или субъективную выгоду, предсказуемо в большей степени. Следовательно, для стимулирования волонтерской активности у субъектов с рациональной мотивацией необходимо учитывать потребности волонтера, а также применять нематериальные способы поощрения за добровольный труд. Так, например, волонтер участвует в мероприятиях и программах прежде всего для преодоления чувства одиночества, поэтому для стимулирования его

дальнейшей активности необходимо предлагать акции и проекты, проводимые офлайн и ориентированные на коммуникацию с другими людьми. В теорию рационального действия естественным образом встраивается философия эффективной благотворительности. Сторонники данной идеи предполагают, что желание помочь другому человеку и совершать благонамеренные поступки может иметь нулевую или даже отрицательную полезность, при этом адресаты помощи, или реципиенты, избираются по принципу максимальной потребности в оказании помощи и наибольшей отдаче. По другую условную сторону находятся волонтеры-альтруисты, выполняющие ту или иную работу без ожидания материальной компенсации или нематериального вознаграждения. В то же время помощь и взаимопомощь считаются универсальными социальными феноменами, которые являются «непреходящей и наиважнейшей ценностью в аксиологических иерархиях общества и индивида»¹. Универсальность выражается в отсутствии территориальных, социально-демографических и культурных обусловленностей оказания помощи нуждающимся. Цель данной статьи – рассмотрение универсальности феномена помощи как структурного элемента волонтерства в народных традициях и обычаях.

Материалы и методы исследования

Цель работы обуславливает выбор междисциплинарного подхода к реализации стратегии исследования. Анализ народных традиций и обычаев, как

детерминант добровольческой деятельности в современном обществе, невозможен без привлечения источников из области социологии, этнографии,

¹Васюков Р. В. Помощь как социальный феномен : автореф. дис. ... кан. философ. наук : 09.00.11. М., 2013. С. 3.

культурологии и философии. В силу этого информационной базой будут выступать научные публикации и вторичные данные указанных наук, а также результаты статистических и социологических исследований.

Междисциплинарный подход в научных трудах предполагает интеграцию наук при изучении одного и того же объекта посредством сглаживания противоречий в разных науках и применения общенаучных методов исследования [2]. В данном случае использованы такие способы познания действительности, как анализ, сравнение, абстрагирование и аналогия.

Этнография в группе рассматриваемых смежных социально-гуманитарных дисциплин позволяет проанализировать примеры культурно-бытовых и социальных практик, связанных у представителей разных народов со взаимопомощью или безвозмездным оказанием помощи нуждающимся. Подобные примеры эмпирически иллюстрируют проявление таких социальных феноменов, как ответственность и доверие, выступающих в качестве философских и социологических категорий. При рассмотрении народных обычаев взаимопомощи через культурный код и ту роль, которую они играют в регулировании общественной жизни, необходимо обращаться к достижениям культурологии.

Если следовать логике французского социолога Д. Э. Дюркгейма [3], то для понимания сущно-

сти сложных современных социальных институтов, в том числе института добровольчества [4], необходимо обратиться к практикам примитивных традиционных обществ, в которых влияние внешних факторов на социальную жизнь и отдельные институты было минимальным, а система социальных отношений и взаимодействий являлась менее сложной. Для выполнения такого ретроспективного анализа нужно обратиться к материалам социокультурной антропологии (этнографии)² и определить социальную роль взаимопомощи и помощи в традиционном обществе. В своем исследовании Д. Э. Дюркгейм отмечал, что рассматриваемую систему (в его случае религиозную) стоит описывать «с той же точностью и достоверностью, с какой это мог бы сделать этнограф или историк», однако лишь с той целью, чтобы сформировать представление об этой системе и реконструировать ее [3, с. 51]. Цель социологии, по мнению французского классика, состоит в том, чтобы «объяснить актуальную, близкую нам реальность» [3, с. 52], которой является, например, современный человек. Архаичные формы социальных феноменов рассматриваются социологами для прояснения их сущности и социальной природы самого человека: «Для того чтобы постичь природу современного человека, мы должны сперва вернуться к нему спиной и отправиться к началу истории» [3, с. 52].

Результаты и их обсуждение

Обычай и традиция как социальные феномены. Для трансляции системно значимых знаний новому поколению, а также для их компрессии и декодирования в культуре применяются культурные коды, к которым относят «идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, диспозиции, фреймы, паттерны, мотивы, экспектации, память» [5, с. 42], «систему уникальных архетипов» [6, с. 48] и др. Белорусский социолог Е. М. Бабосов отмечал, что культурный код «проявляется в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственных, семейно-бытовых, природно-географических, хозяйственно-экономических, геополитических особенностей, считающихся общепринятыми нормами самоидентификации людей, независимо от их этнической принадлежности, и передаваемых из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа» [6, с. 48]. Таким образом, этнические общности являются носителями культурного кода и как «живое прошлое» представляют собой своеобразный способ сохранения архаики. В то же время метафорическое

понятие «живое прошлое» рассматривается как «символическое наименование комплекса принципов социального воспроизводства, воплощенных в обычаях и традициях» [7, с. 58], которые связаны с культурным кодом народа, выделяющим его самобытность, менталитет и социальный характер среди других народов.

Понимание современных социальных феноменов, в том числе добровольчества, имеющих корни в архаическом прошлом, предполагает применение «конструктивистской реактуализации “традиционности”» [7, с. 59] и осуществление анализа социокультурной традиции в контексте новых исторических условий.

Стоит внести семантическую ясность в рассматриваемые понятия «обычай», «традиция» и «обряд», так как дальнейшие размышления о протоформах волонтерства в традиционном обществе будут связаны непосредственно с данной терминологией.

Обычай представляет собой социально приемлемую в определенной системе общественных отношений «схематику практических действий» [7, с. 59]. Цель обычаев заключается в возможности трансляции той или иной ценности другим поколениям. Они тесно связаны с традициями и ритуалами (обрядами),

²Единая терминология в обозначении научной дисциплины отсутствует (см.: Социокультурная антропология: история, теория и методология: энцикл. слов. / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический проект: Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.).

так как обычаи формируют традиции, а ритуалы детализируют и технологизируют процесс. Стоит отметить, что в традиционном обществе наблюдалась высокая степень стереотипизации и символизации действий, которая прослеживается в том числе в народных традициях и обрядах. Обычай предстает как особая форма социального и культурного капитала, обусловленная возможностью «трансляции всего, что связано с социокультурным опытом в целом, т. е. с перспективой существования традиционности как таковой» [7, с. 60].

Слово «обряд» имеет русское происхождение и относится к обсуждению чего-то или договору о чем-либо, а также к установлению некоторых бытовых норм или правил. Народные обряды соответствовали социальным потребностям общины и отражали уклад жизни и повседневность людей. Обряды основаны на устном народном творчестве, они имеют характер «игрового традиционного действия» и отсылают нас к первобытным культам. Как отмечают ученые, «большинство славянских народных бытовых обрядов сложились в дохристианские времена, т. е. в дофеодальный период» [8, с. 5]. С установлением господствующей религии вместо примитивных религиозных форм изменился уклад жизни, сформировавшийся в традиционном обществе, а также система народных обычаев и обрядов. Тот же процесс происходил при секуляризации и установлении светской государственной идеологии, поскольку обряды имели большое социализирующее и воспитательное значение, так как сопровождали все важнейшие семейные события, а также праздники, соответствующие годовому циклу хозяйственных работ: пахоту, сев, сбор урожая, охоту и путину [8, с. 8]. Так, например, в советском государстве осуществлялось обрядотворчество (целенаправленная деятельность членов партий, обрядовых комиссий по отбору обрядовых форм из арсенала народных обычаев), связанное с инкорпорированием системы приемлемых ценностей и норм в советское общество вместо религиозных праздников и обрядов. В качестве сконструированных советской идеологической системой обрядов, ритуалов и праздников были общественно-политические (День международной солидарности трудящихся, Всесоюзный ленинский коммунистический субботник и др.), военно-патриотические (День Советской Армии, День Победы и др.), трудовые (праздники профессий, присвоение почетного звания ветерана труда, проводы на пенсию), гражданские и семейно-бытовые (день урожая, праздник последнего звонка, вручение первого паспорта и др.) мероприятия [8].

Ритуал (обряд)³ можно рассматривать как некий алгоритм, совокупность предписанных правил

осуществления действий, имеющих символический и сакральный смысл. Среди различных видов ритуалов культурологи выделяют презентационные ритуалы, связанные с различными формами дарообмена [7, с. 62]. Примером традиционных церемоний демонстративного ритуального символического дарообмена может выступать потlach, представляющий собой процесс циркуляции даров между отдельными индивидами, а также между группами или сообществами. В работе М. Мосса этот феномен определяется как обмен продуктами или поставка (предоставление) пищи [9, с. 142]. Социальное значение потлacha заключалось в усилении взаимосвязи между дарителем и получателем дара, который в свою очередь должен был «осуществить ответное дарение в соответствии со строго определенными сроками и в рамках специально избранной процедуры» [7, с. 181]. Как отмечал немецкий антрополог Х. Шрадер, потlach – это символический обмен, целью которого нередко становилось поддержание или повышение социального статуса, установление или подтверждение социальных связей между индивидами или группами [10, с. 84]. В современном мире в качестве потлachaобразных форм обмена рассматриваются такие феномены, как признание, лесть, уважение, а также подарок, его вариации и способы преподнесения. Нематериальное поощрение волонтеров за проделанную работу в виде благодарностей, грамот и фотографий на доске почета также можно отнести к потлachaобразной форме обмена.

Еще одной разновидностью реципрокного обмена выступает кула – обряд, описанный британским антропологом Б. К. Малиновским на основе изучения хозяйственной жизни туземцев островов Полинезии. В рамках исследуемой проблематики кула интересна как пример обряда, связанного с публичностью и демонстрирующего доверие и отсутствие корыстной составляющей [7, с. 183]. Кула открывает перспективу обмена услугами, а не товарами. В современности форма взаимного обмена услугами называется «волонтерский банк времени».

Традиции представляют собой закрепившиеся стереотипные формы поведения, имеющие преемственный характер правил и передающиеся из поколения в поколение. К традициям относят, с одной стороны, любые передаваемые правила поведения вне зависимости от области их применения или формы бытования, а с другой стороны, способы трансляции ценности (например, социальной нормы, института, идеи), т. е. алгоритм, практическую схему процесса передачи. Народными традициями в контексте рассматриваемого феномена взаимопомощи выступают толока, супруга, помочь и др.

³Термины «ритуал» и «обряд» в настоящем исследовании рассматриваются как синонимы. Однако стоит отметить, что в разрезе иной проблематики есть смысл дифференцировать данные понятия (см.: *Артемова А. А.* К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вест. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 7. С. 74–77).

Таким образом, народный обычай отражает содержание поведенческой нормы (например, обычай взаимопомощи), а обряд представляет собой внешнее оформление обычая, т. е. то, как именно и в каких ситуациях необходимо помогать. Традиция же объединяет и символическое содержание, и технологическую сторону деятельности, транслируя поколениям знания и практики, освоенные предками, но при этом обладая адаптивностью при изменении исторического контекста и потребностей людей. Так, обычай оказания помощи в организации праздника, приготовлении пищи и предоставлении продуктов при праздновании свадьбы утратил свою актуальность в городской среде. Однако в условиях современного потребления и нерационального расхода ресурсов обществом появилось движение (технология) перераспределения неиспользованных продуктов и товаров – фудшеринг, ценностное содержание которого соответствует обычаю делиться пищей с *Другим*.

Народные обычаи взаимопомощи у разных народов. Традиции, сопряженные с обычаем помощи социально уязвимым группам и взаимопомощи, до сих пор свойственны народам по всему миру⁴ [11–15].

Индонезийский обычай взаимопомощи и механизм управления общиной в стране «готонг-ройонг» (*Gotong Royong*) [16] сформировался в традиционном обществе и все еще поддерживается. По результатам исследований благотворительности именно из-за существования в местных сообществах названного обычая взаимопомощи Индонезия прочно закрепилась в топе стран с высоким уровнем гражданского участия в форме волонтерства: 1-е место в отчете за 2022 г., согласно которому 63 % населения участвуют в волонтерской деятельности, что приблизительно в 3 раза превышает среднемировой показатель, и 1-е место в отчете за 2021 г. (60 % человек). Обычай «готонг-ройонг» представляет собой традицию помогать соседям в разрешении определенной жизненной ситуации и является «индонезийской филантропической культурой коллективных действий» (перевод наш – А. П.)⁵. Ситуации оказания коллективной помощи не являются ограниченными институтами и зависят от потребностей нуждающегося, например, в срочном ремонте жилого помещения, в денежных средствах и т. д.

Традиция казахов, связанная с оказанием помощи ближним, существовавшая в традиционном обществе и сохранившаяся до настоящего времени, имеет название «асар». В силу суровых условий жизни в степи семьям было трудно выполнить срочную

тяжелую работу без внешней помощи, поэтому в целях выживания люди помогали друг другу, например, перегнать скот на большие расстояния или построить дом. Данная традиция основана на принципе реципрокности, вследствие чего помощь оказывалась добровольно и безвозмездно. Традиция «жылу» касается взаимной моральной и материальной поддержки тех членов сообщества, которые пострадали от стихийного бедствия. Люди, следуя ей, приносили нуждающимся одежду, продукты питания, давали деньги или необходимые в быту вещи⁶.

К обычаю взаимопомощи и коллективного труда относятся такие традиции, как бонда, супряга, толока. Бонда, распространенная на белорусских землях, связана с разделением продуктов питания (свежего мяса, первого хлеба, фруктов, меда нового урожая и др.) между своими соседями и родственниками [17]. Это позволяло не накапливать излишки продуктов и повышать качество жизни людей. Подобный обмен не ставил своей целью обогащение одного индивида за счет другого, но способствовал укреплению внутриобщинных связей, соседских отношений. Традиция давать бонду относится к концепции дара французского этнографа и социолога М. Мосса. Он рассматривал дарообмен, с одной стороны, как «добровольный, свободный и безвозмездный» жест, а с другой стороны, как принудительный и небескорыстный процесс, который сопровождается «фикцией, формальностью и социальным обманом» [9, с. 137]. Дарение и отдаривание, как обмен, представляют собой область социальной жизни, не затронутую рыночными отношениями. Это возможно, когда выстраивание эквивалента между товаром и стоимостью не является ценностью, а обмен дарами выступает в качестве акта символического признания. По этой причине для традиционных обществ обмен дарами считается нормой, а для современных – маргинальной практикой. Такие отношения могут рассматриваться как норма, императив жизни в доиндустриальном обществе [7, с. 180]. Обмен носил символическое значение. Социальная функция дарообмена заключается в его способности поддерживать социальную солидарность и морально-этические нормы, не допускающие отказа в помощи нуждающемуся.

Супряга и толока являются формами трудовой соседской взаимопомощи. Супряга предполагала объединение средств труда, совместное использование скота для выполнения коллективных работ, требующих большой физической силы, например для вспашки земли или транспортировки строительного материала во время строительства дома. В супряги

⁴State of the world's volunteerism report [Electronic resource]. URL: <https://www.unv.org/sites/default/files/2011%20State%20of%20the%20World%27s%20Volunteerism%20Report%20-%20Universal%20Values%20for%20Global%20Well-being.pdf> (date of access: 10.03.2023).

⁵World Giving Index 2022. A global view of giving trends [Electronic resource]. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-research/caf_world_giving_index_2022_210922-final.pdf (date of access: 15.07.2023).

⁶Обычаи [Электронный ресурс]. URL: <https://visitkazakhstan.kz/ru/about/78/> (дата доступа: 15.07.2023).

обычно объединялись мелкие маломощные хозяйства, причем вклад каждого участника мог быть разным – от сельскохозяйственных орудий и инвентаря до тягловой силы.

Толока – это традиция, воплощающая обычай взаимопомощи и включающая ряд символических действий (обряд зажинок). Толока созывалась во время разных коллективных работ, и в зависимости от региона их виды могли отличаться. Например, у украинцев такими видами стали косьба, копанье картофеля, чистка кукурузы, заготовка капусты, сбор фруктов и винограда⁷, у кавказцев – кормление ягнят, стрижка овец, забой скота, заготовка кормов для скота.

Толока, существовавшая у белорусов, была характерна и для других народов: россиян, украинцев, эстонцев, латышей и литовцев. На юге и севере России, а также на юге Украины данная традиция носила название «помочь». Русский обычай взаимопомощи в этнографических источниках описан следующим образом: «Строили в деревнях дружно. Собирали помочь: деревенские мужики все вместе разом в один день возводили сруб под крышу» [18, с. 51]. В благодарность за оказанную помощь работникам давали угощение. Однако особо незащищенным категориям людей, например вдовам и сиротам, помогали без угощения, исключительно за вербальную благодарность (благотворительная толока).

Коллективную взаимопомощь (толоку) можно классифицировать по сезонности работ, так как сельская община (громада) сильно зависела от сельскохозяйственного цикла (весенние работы, связанные с посевной, летне-осенние работы, предполагающие сбор урожая, и зимние работы, включающие вычесывание шерсти, ремесленную деятельность). В зависимости от субъекта, оказывающего помощь, толока могла быть женской и мужской, молодежной, родственной и соседской⁸.

Исходя из анализа форм помощи и взаимопомощи, характерных преимущественно для сельской общины, можно выделить следующие группы коллективных работ:

- в земледелии (вспашка, удобрение и прополка земли, сев, уборка урожая, обмолот и др.);
- в животноводстве (выпас скота, заготовка кормов, убой, разделка туш и др.)⁹;
- при строительно-ремонтных работах (заготовка и доставка строительного материала, перекрытие крыш и др.);
- при стихийных бедствиях, пожарах и иных кризисных ситуациях (сбор продуктов, одежды, обуви, утвари и денег для потерпевшей семьи);

- при занятиях ремеслами и промыслами (обработка шерсти, выделка кожи, совместное ткачество ковров и ковровых изделий девушками и др.);

- в быту и обрядовой жизни (помощь при организации свадеб, похоронно-поминальных обрядов и др.).

Обычай взаимопомощи и его формы тесно связаны с условиями окружающей среды, особенностями ведения хозяйства, спецификой семейных отношений и др. Обычай отражал коллективный характер труда, он появился в условиях господства родовой общины¹⁰. По мнению Ф. Тенниса, «всеобщий характер соседства присущ совместной жизни в деревне, где близость жилищ, общий сельскохозяйственный рынок, да и просто общие границы угодий способствуют многочисленным контактам между людьми, их привычке и близкому знакомству друг с другом, делают необходимым совместный труд...» [19, с. 26–27]. Соответственно, в начале XXI в. с распадом сельской общины взаимопомощь в сельском быту утратила ведущую роль и масштабы. Это было связано с техническим прогрессом, обусловившим появление новых технологий, которые облегчали труд сельчан, и с интенсификацией процессов урбанизации. С возникновением и развитием системы социальной защиты социально уязвимых категорий граждан соседская взаимопомощь утратила свое значение в интеграции громады.

Социальные функции народных традиций и обычая взаимопомощи. С точки зрения польского социолога П. Штомпки, народные традиции выполняют селективную (отбор ценностей, норм и идеалов, способных играть роль поведенческих паттернов), легитимную (организация социального порядка, повседневного уклада, принятых форм поведения), компенсаторную (отсылка к опыту предков и их незримой помощи) функции, а также функцию создания и подтверждения общей идентичности (ощущение родства, близости, солидарности среди членов сообщества) [7, с. 64]. Народные традиции и обычаи взаимопомощи имеют несколько функций.

Интеграционная функция. Сформированный институт взаимопомощи способствовал жизнеспособности и устойчивости общины. В регионах с тяжелыми климатическими условиями навыки взаимной помощи были гарантом выживания. Данная система традиций обусловила поддержание целостности общины и укрепление межличностных связей. Выполнение добровольных коллективных работ по оказанию помощи в сообществе привело к формированию коллективной социальной ответственности. Сложившиеся в сообществе ценности и нормы не до-

⁷Тарнавський Р. Б. Толока та супруга в громадському побуті селян Південно-Західного історико-етнографічного регіону України: культурно-генетична проблема : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.05. Львів, 2012. 20 с.

⁸Там же.

⁹Эльмурзаева А. Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Махачкала, 2009. 22 с.

¹⁰Там же.

пускали возможности отказа нуждающемуся в помощи.

Воспроизводственная функция. С одной стороны, в рамках выполнения коллективных работ через обычай передавался социальный опыт. Так, например, участвовавшая в толоке молодежь осваивала поведенческие паттерны, характерные не только для их семей, но и для семей соседей и других членов общины. Как отмечал П. Штомпка, «традиции обеспечивают людей, формирующих свой мир, готовыми строительными блоками» [20, с. 95]. С другой стороны, образовывался, селекционировался и транслировался новым поколениям корпус социальных ценностей, необходимых для коллективной жизни. Таким образом, молодежь не только приобретала трудовые навыки, умение жить в коллективе, но и интериоризировала такие качества, как трудолюбие, милосердие, практичность, ответственность и др.

Регулятивная функция. Обычаи взаимопомощи и народные традиции регламентировали и организовывали жизнь сельской общины, а также выступали в качестве специфического социального регулятора [7, с. 60]. Сейчас рудиментарные проявления традиционного уклада жизни с элементами обычая взаимопомощи можно наблюдать в селе, в том числе и на белорусских землях.

Коммуникационная функция. Проведение коллективных работ неотъемлемо сопровождалось взаимобменом информацией, эмоциями и знаниями. После тяжелых работ во время толоки хозяин, как правило, угощал помощников, тем самым благодарил их за труд. Отдельные народные традиции, помимо взаимопомощи, были направлены именно на поддержание межличностной коммуникации. В качестве примера можно привести традицию «леманга» (Южная Суматра), которая представляет собой культуру совместного приема пищи в целях единения, родства, при этом общение является неотъемле-

мой частью самой традиции, символично связанной с религиозными, традиционными и социальными ценностями [15].

Функция социальной защиты. Качество жизни общины во многом зависело от жизни каждой семьи и ее благополучия. Ведение сельского хозяйства в традиционном обществе требовало немалых физических усилий и времени, при этом существовало много рисков, которые могли препятствовать выполнению работы (например, многодетность, старческая немощь, болезнь, инвалидность, смерть кормильца и др.), что грозило потерей урожая, нищетой и голодом. В период отсутствия целенаправленной системы государственной помощи социально уязвимым группам населения такую помощь оказывали члены сообщества, проявляя таким образом коллективную социальную ответственность. В качестве еще одного примера можно привести народ масаи на севере Танзании. Там люди до сих пор ведут традиционное земледелие, но при этом основную ценность имеет скот, который масаи через сети взаимопомощи перераспределяют нуждающимся в целях борьбы с бедностью [21].

Символическая функция. Символизм обрядов и традиций придавал обычным действиям сакральность. Когда проводилась толока, при сборе зерновых культур торжественно зажинали первый сноп, который предназначался предкам для благословения урожая. Тяжелая работа сопровождалась пением песен и коллективной поддержкой односельчан, что способствовало укреплению эмоциональных связей и выстраиванию долгосрочных доверительных отношений. Однако с распадом сельской общины и индивидуализацией коллективного сознания символизация действий заменилась их формализацией, десакрализировалась мифологическая составляющая обычая и рутинизировались действия [7, с. 62].

Заключение

Народные обычаи и традиции способствуют сохранению исторической памяти и трансляции социально значимых ценностей, а помощь и взаимопомощь относятся к традиционным духовно-нравственным ценностям, которые включены в культурный код многих народов. Это можно наблюдать в устном народном творчестве, в частности в народных сказках, герои которых нередко бескорыстно помогают нуждающемуся.

Уникальность природно-климатических условий проживания, социальной организации и исторического прошлого народа порождает специфику проявления и закрепления данных ценностей в народных традициях. Многочисленные современные социологические и более ранние антропологические исследования свидетельствуют о том, что подобные традиции и обычаи существовали и продолжают существовать по всему миру.

До настоящего времени сохранились реципрокные отношения среди сельчан в Беларуси. Так, люди оказывают помощь друг другу в обработке земли, ведении личного подсобного хозяйства, заготовке дров и стройке, соседи обмениваются продуктами собственного производства, инвентарем, семенами и удобрениями. Продолжают существовать неформальные институты поддержки и взаимопомощи среди сельского населения. «Сетевые обмены не поддаются экономической логике, не являются инструментом максимизации прибыли их участников, им достаточно трудно подобрать какое-то материальное или денежное выражение. Сетевые взаимодействия – это устойчивые неформальные контакты между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами» [22, с. 106].

При переходе к современности усиливается рационализация общественных отношений и, как отмечал М. Вебер, происходит «расколдовывание мира». Это приводит к тому, что из народных обычаев уходит сакральность, и они приобретают статус светских действий. На постсоветском пространстве этому поспособствовала проводимая идеологическая политика, в рамках которой социальной роли рядов уделялось значительное внимание. Ценности, соответствовавшие советской идеологии, в том числе идеологии труда, коллективизма, честности, самоотдачи и бескорыстия, необходимо было за-

крепить в общественном сознании и интериоризировать в коллективную память.

Так, несмотря на то что традиции обладают гибкостью и встраиваются, видоизменяясь, в новые условия жизни народа, обычай взаимопомощи сохраняет свою значимость по всему миру, обретая формы не сакральных, а светских практик. Народные традиции несли в себе ключевые идеи светских практик взаимопомощи (стремление к взаимопомощи, коллективизм, добровольность, бескорыстность, социальную ответственность), получивших современное название «волонтерство».

Библиографические ссылки

1. Сорокин ПА. Таинственная энергия любви. Часть 1. *Социологические исследования*. 1991;8:121–137.
2. Крепс ТВ. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения. *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2019;1:115–120. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-115-120.
3. Дюркгейм ДЭ. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии*. Апполонов А, Котельникова Т, переводчики. Москва: Дело; 2018. 736 с.
4. Кузьминчук АА. Волонтерство как социальный институт. В: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина. *Материалы XVII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана. Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования; 20–21 марта 2014 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; 2014. с. 1011–1017.
5. Шавель СА. Методологические аспекты социологического исследования цивилизационно-культурного кода. В: Данилов АН, Мамедов АК, редактор. *Культурные коды в цифровую эпоху*. Минск: РИВШ; 2023. с. 41–73.
6. Бабосов ЕМ. Культурный код нации: сущность и особенности. *Наука и инновации*. 2016;3:48–50.
7. Ашкерев АЮ. *Социальная антропология*. Москва: Маркет ДС Корпорейшн; 2005. 608 с. (Университетская серия).
8. Руднев ВА. *Обряды народные и обряды церковные*. Ленинград: Лениздат; 1982. 159 с.
9. Мосс М. *Общества. Обмен. Личность*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Книжный дом «Университет»; 2014. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах; с. 134–279.
10. Шрадер Х. *Экономическая антропология*. Островская ЕА, переводчик. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 1999. 192 с.
11. Cooper L. Patterns of mutual assistance in the Mongolian pastoral economy. *Nomadic Peoples. Pastoralism in Mongolia*. 1993;33:153–162.
12. Молотова ТЛ. Обычаи взаимопомощи в традиционных женских домашних промыслах марийцев. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2014;2:69–73.
13. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, Broch-Due V, editors. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa*. Oxford: James Currey; 1999. p.199–217.
14. Ranajit Das Gupta. A labour history of social security and mutual assistance in India. *Economic and Political Weekly*. 1994;29(11–12):612–620.
15. Desy M, Agustini R, dan Utami JA. Communication of mutual assistance in the melewang tradition of Karang Raja Muara Enim Village. *Sosiohumaniora. Jurnal Ilmu-ilmu Sosial dan Humaniora*. 2023;25(1):21–28.
16. Slikkerveer LJ. Gotong Royong: an indigenous institution of communality and mutual assistance in Indonesia. In: Slikkerveer L, Baourakis G, Saefullah K, editors. *Integrated community-managed development. Cooperative management* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15]. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-05423-6_14.
17. Пилипенко МФ. *Этнография Белоруссии*. Минск: Вышэйшая школа; 1981. 192 с.
18. Юдина НА. *Русские обычаи и обряды*. Москва: Вече; 2006. 320 с.
19. Теннис Ф. *Общность и общество: основные понятия чистой социологии*. Складнев ДВ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2002. 452 с.
20. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Ядов ВА, переводчик. Москва: Аспект пресс; 1996. 416 с.
21. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, editor. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa (Eastern African studies)*. London: James Currey Ltd; 2000. p. 199–217.
22. Кузьменко ТВ. Социальные механизмы поддержки и взаимопомощи в сельском социуме. В: Цыганов АР редактор. *Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении; 4–6 октября 2007 г.; Горки, Беларусь*. Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия; 2007. с. 104–106.

References

1. Sorokin PA. [The mysterious energy of love. Part 1]. *Sociological Studies*. 1991;8:121–137. Russian.
2. Kreps TV. Interdisciplinary approach in research and teaching: advantages and problems of application. *Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*. 2019;1:115–120. Russian. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-115-120.
3. Durkheim DE. *Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia]. Appolonov A, Kotel'nikova T, translators. Moscow: Delo; 2018. 736 p. Russian.

4. Kuz'minchuk AA. [Volunteering as a social institution]. In: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. *Materialy XVII Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati professora L. N. Kogana. Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya; 20–21 marta 2014 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Materials of the XVII International Conference in memory of professor L. N. Kogan. Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research; 2014 March 20–21; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 2014. p. 1011–1017. Russian.
5. Shavel' SA. [Methodological aspects of the sociological study of the civilisational and cultural code]. In: Danilov AN, Mamedov AK, editor. *Kul'turnye kody v tsifrovuyu epokhu* [Cultural codes in the digital age]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2023. p. 4–73. Russian.
6. Babosov EM. The cultural code of the nation: a subject and the features. *Science and Innovation*. 2016;3:48–50. Russian.
7. Ashkerov AYu. *Sotsial'naya antropologiya* [Social anthropology]. Moscow: Market DS Korporeishn; 2005. 608 p. (Universitetskaya seriya). Russian.
8. Rudnev VA. *Obryady narodnye i obryady tserkovnye* [Folk rites and church rites]. Leningrad: Lenizdat; 1982. 159 p. Russian.
9. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality]. Gofman AB, translator. Moscow: Knizhnyi dom «Universitet»; 2014. [Experience about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies]; p. 134–279. Russian.
10. Schrader H. *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 1999. 192 p. Russian.
11. Cooper L. Patterns of mutual assistance in the Mongolian pastoral economy. *Nomadic Peoples. Pastoralism in Mongolia*. 1993;33:153–162.
12. Molotova TL. Customs of mutual assistance in traditional female domestic handiwork of the Mari people. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2014;2:69–73. Russian.
13. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, Broch-Due V, editors. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa*. Oxford: James Currey; 1999. p.199–217.
14. Ranajit Das Gupta. A labour history of social security and mutual assistance in India. *Economic and Political Weekly*. 1994;29(11–12):612–620.
15. Desy M, Agustin R, dan Utami JA. Communication of mutual assistance in the melewang tradition of Karang Raja Muara Enim Village. *Sosiohumaniora. Jurnal Ilmu-ilmu Sosial dan Humaniora*. 2023;25(1):21–28.
16. Slikkerveer LJ. Gotong Royong: an indigenous institution of communality and mutual assistance in Indonesia. In: Slikkerveer L, Baourakis G, Saefullah K, editors. *Integrated community-managed development. Cooperative management* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15]. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-05423-6_14.
17. Pilipenko MF. *Etnografiya Belorussii* [Ethnography of Belarus]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1981. 192 p. Russian.
18. Yudina NA. *Russkie obychai i obryady* [Russian customs and rituals]. Moscow: Veche; 2006. 320 p. Russian.
19. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii* [Community and society: basic concepts of pure sociology]. Sklyadnev DV, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2002. 452 p. Russian.
20. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Yadov VA, translator. Moscow: Aspect press; 1996. 416 p. Russian.
21. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, editor. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa (Eastern African studies)*. London: James Currey Ltd; 2000. p. 199–217.
22. Kuz'menko TV. [Social mechanisms of support and mutual assistance in rural society]. In: Tsyganov AR editor. *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sotsial'nye problemy sovremennogo sela v ekonomicheskom i sotsiologicheskom izmerenii; 4–6 oktyabrya 2007 g.; Gorki, Belarus'* [Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference. Social problems of modern villages in economic and sociological dimensions; 2007 October 4–6; Gorki, Belarus]. Gorki: Belarusian State Agricultural Academy; 2007. p. 104–106.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2023.
Received by editorial board 12.06.2023.